

Другая
Элис

МИШЕЛЬ ХАРРИСОН

альпина
дети

Мишель Харрисон

Другая Элис

«Альпина Диджитал»

2016

Харрисон М.

Другая Элис / М. Харрисон — «Альпина Диджитал», 2016

ISBN 978-5-96-148203-4

Что произойдет, если по-настоящему магическая история, которая должна быть закончена, так и не получит завершения? Элис шестнадцать, она обожает писать рассказы и читать их вслух своему младшему брату Миджу. Все ее истории разные, но есть в них кое-что общее: у каждой непременно должен быть конец. Элис знает: если не придумать окончание, случится нечто ужасное. Однажды во время работы над большим романом Элис исчезает, а вместо неё в доме появляется говорящая кошка. И Мидж, который так любит загадки, должен теперь отыскать ключ к тайне исчезновения сестры на страницах ее неоконченной книги.

ISBN 978-5-96-148203-4

© Харрисон М., 2016
© Альпина Диджитал, 2016

Содержание

Однажды...	12
Сочинительница	16
Сорочье гнездо	21
Черная кошка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мишель Харрисон

Другая Элис

Переводчик *Мария Брауде*
Редактор *Анастасия Маркелова*
Главный редактор *Л. Богомаз*
Руководитель проекта *А. Маркелова*
Корректоры *З. Скобелкина, Е. Аксёнова*
Компьютерная верстка *О. Макаренко*
Иллюстрация и дизайн на обложке *О. Шайдулина*

First published in Great Britain in 2016

by Simon & Schuster UK Ltd

A CBS COMPANY

© 2016 Michelle Harrison

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблицер», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

МИШЕЛЬ ХАРРИСОН

Другая Элис

Перевод с английского

альпина
.дети

Москва, 2022

Рекомендуем книги по теме

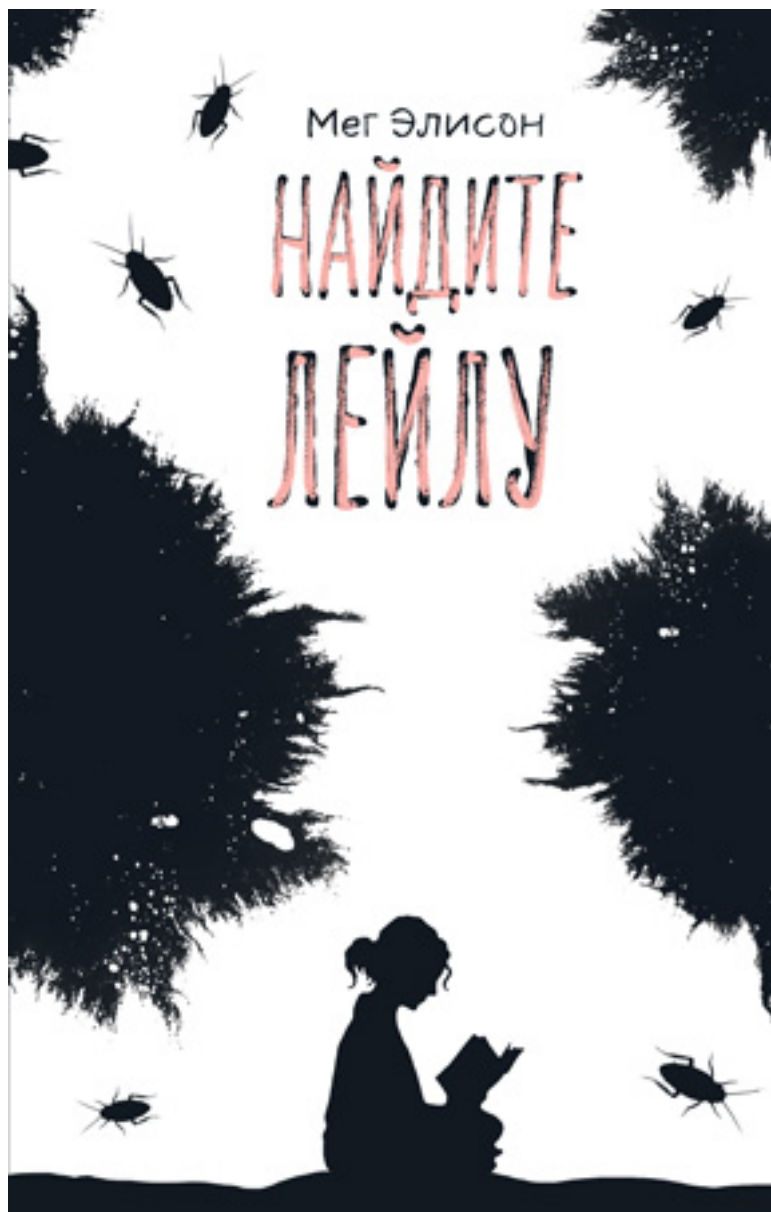
[Щепотка магии](#)
Мишель Харрисон

Электрическое королевство
Дэвид Арнольд

[Мир из прорех: Новые правила](#)
Яна Летт

Найдите Лейлу

Мег Элисон

Восхитительная, совершенно необычная, захватывающая история, в которой есть всё: приключения, загадки, головоломки и – остроумие.

Daily Mail

Великолепная книга... яркое подтверждение того, какой силой обладает слово писателя.

Guardian

Магия, загадки – и, конечно, черные чернила, без которых не состоялась бы эта история. Чудесно написано.

Эби Элфинстоун,

писательница

*Джулии, которая любит истории, и всем, кому когда-нибудь
хотелось, чтобы герои книг стали реальными*

всегда плод чьего-то воображения. И, в сущности, какой толк от злодеев, если они не страшные?

Элис отложила вырезку, закрыла глаза и потерла виски. Слова проплывали в темноте под ее веками. Даже так от них было не избавиться. Они окружили ее, заточили в свою тюрьму, откуда освободить могли только другие слова, еще больше слов. *Правильных*. Проблема была в том, что она их не находила. Она зашла в тупик и понятия не имела, как закончить историю. И теперь ее тревожило, что произойдет, если этого не сделать. Не только из-за того, что пропадет впустую ее труд, но из-за того, что может случиться с ней самой.

Уже несколько месяцев Элис уговаривала себя, что происходившее в прошлый раз не было реальным. Ей все померещилось, виной тому недосыпание, стресс. Но, что бы там ни было, в последние дни все началось снова. Чьи-то тени, какое-то движение, едва уловимое краем глаза. Шаги за ее спиной на пустой улице. Шепот.

Она боялась.

Медленно выдохнув, она открыла глаза. Кофейня находилась в книжном магазине, на втором этаже. Чаще всего Элис писала дома, но сегодня подумала, что смена обстановки даст словам возможность потечь свободно. Не вышло. Скорее наоборот, ее окружало столько чужих историй – и все завершённые, что это походило на пытку. Книжки вокруг не вдохновляли, напротив, чудилось, что они смеются над ней. Элис повернулась к окну и придвинулась к нему еще ближе. Она смотрела на людей, идущих внизу по улице и не подозревающих, что за ними наблюдают. Острый зимний холодок проникал сквозь стекло и пощипывал ей лицо.

А потом Элис охватил озноб: она заметила худощавую фигуру, остановившуюся у витрины магазина через дорогу.

Этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть...

Слова бились в голове Элис под тошнотворные удары отчаянно прыгающего сердца. Она вскочила, даже не осознавая, что делает, и нечаянно толкнула стол. Нетронутый кофе выплеснулся из чашки, забрызгав тетрадь и газетную вырезку. Она прижала ладони к стеклу, не замечая, как кофе стекает со стола, капает на пол и на ее ботинки.

Элис схватила тетрадь и отшатнулась от окна. Газетная вырезка упала на пол, но она не обратила внимания ни на нее, ни на удивленные взгляды других посетителей.

– Только не это, – прошептала она, слова застревали в горле, – пожалуйста, только не это!

Но все равно нужно было убедиться. Спотыкаясь, Элис выбралась из кофейни и кинулась к лестнице. Несколько мгновений, и она уже выбежала из книжного магазина. Ее прерывистое дыхание облачками пара растворялось в морозном воздухе.

Девушка исчезла. Элис оглядывалась по сторонам. Неужели привиделось? Может быть, она задремала? Ведь она уже так давно не спала нормально...

Вот же. Вот мелькнула спина, скрываясь за углом. Элис устремилась вслед. Ее колотило от холодного ветра так, что зубы стучали. Только сейчас она спохватилась, что оставила пальто в кофейне, но вернуться за ним – значит упустить ту, кого ищет. Элис догнала девушку и, поравнявшись с ней, взглянула в лицо.

Ветер унес тихий вскрик, который сорвался с губ Элис.

Это была *она*.

Она изменила внешность после того, как покинула больницу. Тусклых каштановых волос, висевших дряблыми крысиными хвостиками, больше не было, как не было и неказистого больничного халатика, в котором она выглядела юной и беспомощной. Для всех она стала почти неузнаваема... только не для Элис.

Элис оступилась, столкнувшись с каким-то прохожим, но, потрясенная и охваченная ужасом, совсем не отреагировала на брошенную в ее сторону резкость. Она не раз читала в книгах, как у человека стынет кровь в жилах, но сейчас ощутила это на себе: тепло ушло из коченеющих ног и ледяной холод прокатился волной по телу.

«Что она делает здесь? – подумала Элис. – Она знает? Она уже ищет меня?»

И, будто бы Элис притягивала ее, как магнит, девушка повернулась и пристально посмотрела на нее. На ее лице отразилось любопытство, но никакого намека на то, что она знает, какая между ними связь. Хотя, когда Элис застыла на месте, что-то блеснуло в глазах девушки.

Что-то недоброе. И настороженность.

«Она видит, что я боюсь ее, – подумала Элис. – И ей это нравится».

Дороти Граймс медленно двинулась к ней. Губы ее изогнулись в легкой улыбке. Улыбка стала шире, когда Элис, сама того не заметив, попятилась – и наконец уперлась в стену.

Дороти остановилась – слишком близко. Так близко, что Элис ощущала ее дыхание. От этого ее замутило.

– Мы встречались? – спросила Дороти. Ее голос звучал мягко, но ничего доброго в нем не было. Такой мягкой может быть подушка, которая душит тебя.

– Н-нет... не лично... – едва слышно ответила Элис.

– Но ты знаешь, кто я, не так ли?

– Да, – прошептала Элис. – Я знаю, кто ты.

– И тебе известно, что я сделала.

От нахлынувшей дурноты Элис пошатнулась и с трудом удержалась на ногах, пытаясь прогнать проносящиеся в голове жуткие видения. Дороти, чиркающая спичкой, сжимающая чье-то горло, соскребающая со щек чужую запекшуюся кровь. Да, Элис точно знала, на что она способна.

– Ты читала обо мне в новостях? – Дороти понизила голос. – Обо всех нехороших вещах, которые я совершала?

Элис слабо покачала головой:

– Не совсем так.

– Тогда откуда ты меня знаешь?

– Я знаю... я знаю о тебе все, – прошептала Элис.

Дороти закатила глаза:

– О нет, и ты туда же. Скольких докторов, несущих этот вздор, мне приходилось слушать! «Мы знаем все о тебе, Дороти, – передразнила она. – Ты, должно быть, пережила какую-то травму, Дороти. Мы хотим, чтобы ты вела дневник снов, Дороти, Дороти, *Дороти*». – Она явно заводилась, ее глаза стекленели. – Повторяют мое имя снова и снова, чтобы заставить меня думать, что они мне друзья.

– Я знаю, – сказала Элис.

– О, *знаешь*, правда? – Глаза Дороти блеснули.

– Я же сказала. Я знаю о тебе все. – Элис прислонилась к стене, колени дрожали. Хотелось убежать, но она будто увязла в одном из тех снов, где любое движение превращается в замедленный кадр. – Как... как ты попала сюда?

Дороти рассмеялась.

– Ну, раз ты не знаешь этого, ты знаешь обо мне не все, так ведь? – процедила она. – Я следила кое за кем. Кое-кто взял мою вещь, и я хочу ее вернуть.

– Рамблбрук, – пробормотала Элис.

Улыбка исчезла с лица Дороти.

– Откуда ты знаешь? – Она наклонилась к самому лицу Элис. – Тебе лучше начать говорить.

И Элис объяснила.

Несколько секунд Дороти пристально смотрела на нее, а затем разразилась смехом.

– О, это хорошо, – поаплодировала она. – Bravo! Даже я не смогла бы такое придумать, а ведь мои сюжеты весьма... закручены. – Все еще усмехаясь, она покачала головой: – Ты действительно в это веришь, правда?

– Нет... Я *знаю* это.

Дороти тихо присвистнула:

– И еще говорят, что я сумасшедшая. Девочка, ты спятила. У тебя просто кукушка поехала! – Она удовлетворенно хмыкнула: – Можно не беспокоиться, что ты кому-нибудь обо мне расскажешь. Никто не поверит такой чокнутой.

Ее лицо придвинулось еще ближе, и тут Элис очнулась, как будто с нее спал морок. Она размахнулась и тетрадь ударила Дороти по щеке.

– Прочь от меня! Держись подальше!.. *Возвращайся откуда пришла!* – пронзительно, с отчаянием выкрикнула она. И ударила снова, но не попала, потому что Дороти увернулась. Тетрадь вылетела у Элис из рук и глухо шлепнулась на тротуар.

Она бросилась к тетради одновременно с хихикающей Дороти. Дороти успела первой, и ее взгляд впился в открытые страницы. Преодолевая панику, задыхаясь, Элис выхватила тетрадь.

И без единого слова ринулась прочь, чуть не столкнувшись с черной кошкой, когда сворачивала в переулок. Дыхание прерывалось рыданиями, сжимающими горло, но Элис мчалась дальше. Ее не оставляло чувство, что Дороти Граймс все еще следит за ней, однако, обернувшись, она заметила только нескольких удивленно глядевших прохожих.

Так и не останавливаясь, Элис бежала и бежала, пока не влетела домой, не захлопнула за собой входную дверь и не заперла ее. В зеркале, висевшем в прихожей, она увидела свое отражение: спутанные волосы прилипли к щекам, мокрым от соплей и слез. Мертвенно-серое лицо. Но хуже всего – глаза, дикие, затравленные. *Безумные*. Неудивительно, после того, с чем она сейчас столкнулась.

– Это невозможно, это *не...* – жаловалась она пустому дому. Ее дрожащий голос нарушал тишину, как неподходящий кусочек пазла нарушает всю картину.

Она опустилась на пол и съежилась, прислонившись к двери. Дороти Граймс сумасшедшая – Элис знала это лучше, чем кто бы то ни было. Но тогда что это говорит о *ней самой*?

Может, Дороти права?

Может, Элис еще безумнее, чем она?

Сочинительница

Каждый день сотни людей садятся и начинают писать истории. Некоторые из этих историй печатают, переводят и продают в книжных магазинах по всему миру. Другие обрываются на первой главе или даже на первой фразе, прежде чем их забросят. Иногда история пишется отрывочно и сумбурно, и автор бьется над ней, пока, отчаявшись, не запикивает свое творение под кровать или в стол, где оно и лежит, забытое на месяцы или годы, а то и навсегда. Хотя не исключено, что оно могло бы поведать о таких чудесных приключениях, о каких никому и никогда не доводилось читать.

Но что происходит, если *по-настоящему* магическая история остается незаконченной?

Это рассказ об одной из подобных историй. Она началась очень давно, когда мне было одиннадцать и все звали меня Мидж. В те времена, когда я страшно волновался, примут ли меня в футбольную команду, и когда едва ли не больше всего на свете любил слушать новые истории, сочиненные моей старшей сестрой Элис.

У Элис был поразительный талант придумывать и писать. Но еще странное и непоколебимое убеждение: каждая начатая история должна быть закончена. Она говорила, что незаконченная история – это ужасно, это не воплотившиеся надежды, это непрожитая жизнь всех персонажей. В общем, любую историю, которую Элис начинала, пусть даже ерундовую, она дописывала, и не важно, если конец получался слабоват. У всех ее историй обязательно был конец.

До тех пор, пока одна из них не осталась незавершенной.

Моя сестра исчезла в пятницу в феврале, когда школа закрывалась на каникулы. Вообще-то ничего особенного тут не было, вот только на этот раз все случилось накануне Призыва. По дороге из школы я рассматривал Подобия – маленькие куклы из соломы или ткани, сделанные так, чтобы они на кого-то походили. Нескольких я заметил еще утром, но за день в окнах и на порогах домов их стало гораздо больше.

Я остановился поглядеть на Подобие, прислоненное к цветочной кадке в одном из дворов. Меня всегда это изумляло: каждый год все в городе делали кукол и выставляли их напоказ.

– Не более странно, чем одну ночь в году, на Хэллоуин, наряжаться призраками, вампирами и ведьмами, – объясняла Элис.

– Но так-то делают много где, – говорил я. – А Призыв только здесь, в Скрипичной Лощине.

– И в других городах есть странные традиции, – отвечала Элис. – Хотя обычно это что-то вроде фестивалей сыра или хороводов вокруг майского дерева, а не такая жуть, как у нас.

Да, я не мог не согласиться с тем, что Призыв довольно жуткий обычай. Единственная ночь в году, когда кого-то – живого или мертвого – можно вызвать с помощью его Подобия. Говорили, что, если тот, кто смастерил Подобие, хочет встречи очень сильно и Подобие выйдет действительно хорошим, все сработает и можно будет задать вызванному вопрос. Только один. А потом этого человека никогда больше вызвать нельзя.

Конечно, никто сам не знал никого из успешно Призвавших. Хотя все слышали рассказы о том, что это якобы удалось сыну троюродного брата чьего-то дяди.

Вечером на рыночной площади разводили огромный костер, на котором сжигались все Подобия. Многие приходили только ради этого зрелища, даже если сами не делали куклу. К тому же с лотков на площади продавали поджаренный зефир и каленые орехи, горячий шоколад и подогретый яблочный сок с пряностями.

Каждый год я играл в игру – пытался понять, кого изображают куклы. Некоторые (вроде тех, что создавала дама, работавшая в магазине «Все для вязания») были великолепны, но я не мог угадать, чьи это Подобия. Другие, каких, например, делал Томми Паркер из моего класса, выглядели и вовсе не по-людски, зато их можно было опознать по футбольной форме, по майке с номером его любимого игрока. Еще были трогательные: серая войлочная собака по кличке Фенчёрч, которая пропала больше года назад; неприятные: Джек-потрошитель, изготовленный мистером Шервудом – учителем истории, который все свое свободное время строил теории в попытках раскрыть личность убийцы.

Я дошел до белых ворот коттеджа, стоявшего в стороне от дороги. Рядом с цветочным горшком притулилась маленькая соломенная фигурка. Из тех, что навевают печаль: старик, живший в коттедже, каждый год мастерил одинаковых маленьких куколок.

Фигурка светловолосого мальчика в очках. На нем всегда была одинаковая одежда и одни и те же маленькие старомодные очки, только лицо с каждым годом становилось все менее отчетливым, потому что зрение старика ухудшалось.

Никто толком не разговаривал со стариком, а потому не известно было, кто этот мальчик. Некоторые рассказывали, что это его сын, которого увезла жена и которого он больше не видел; другие утверждали, что ребенок умер; а однажды я услышал ужасную историю о том, что старик ехал на машине и сбил насмерть незнакомого мальчика. Куча версий, и все безрадостные... все, кроме одной.

Элис считала, что здесь кроется другое: старик раньше путешествовал во времени и теперь хочет использовать Подобие, чтобы поговорить с самим собой – с мальчиком, каким был в прошлом. Расспросить его о том, что давно забыл. У Элис все оборачивалось историей, и как раз в такую мне хотелось верить.

Я пошел дальше, срывая листья с живой изгороди и решая, делать ли Подобие или нет. Обычно этим занималась Элис, но она, в отличие от меня, была человеком творческим.

К тому времени, как я добрался до Кукушкина переулка, где мы жили, уже стемнело и тонкий ломтик луны повис над маленьким магазинчиком на углу. До нашего дома под номером 35 оставалось всего ничего. С улицы, если посмотреть на фасад, этот старый дом выглядел совсем маленьким, но внутри, протяженный в длину гораздо больше, чем в ширину, оказывался неожиданно просторным. Когда я вошел, меня окутало теплом, а из кухни доносился запах чего-то вкусного.

Я повесил ключи на крючок в прихожей и вошел в гостиную, где пылал камин. Сбоку от него стояли ведро с углем и корзина с поленьями, а прямо перед камином, растянувшись на коврике, спала наша кошка Твич; ее черная шерсть поблескивала в отсветах огня. Я поднес замерзшие пальцы к теплу. Из кухни слышалось, как кто-то мурлычет песенку. Это тихо напевала Элис, помешивающая что-то в большой кастрюле на плите.

– Что у нас на ужин? – Я глубоко втянул носом аппетитный запах, и живот забурчал от голода. Перестав мурлыкать, Элис с улыбкой повернулась ко мне.

– Тушеное мясо. – Она накрыла кастрюлю крышкой и сунула две тарелки в плиту, чтобы согреть. – Перестань нюхать, весь запах украдешь.

Я ухмыльнулся. Элис всегда дурачилась в таком духе, больше чтобы посмешить меня, а заодно и себя, но еще, думаю, она просто не могла иначе. Сестра видела волшебство во всем: пятна от чая из чашки оказывались следами эльфов, садовые статуи – заколдованными людьми

и животными, превращенными в камень. Сочинительство было у нее в крови. А кровь у меня и сестры отличалась. У нас были разные отцы. Ее отец бросил их с нашей мамой, когда Элис исполнилось три года. За прошедшие тринадцать лет она видела его всего несколько раз.

Глядя, как Элис накрывает на стол, я заметил пластырь у нее на пальце:

– Что случилось?

– Хм? О, это. Мой палец решил, что хочет быть морковкой, и ринулся наперерез ножу.

– Вечно ты дурачишься, – прыснул я. Но тут увидел, что стол накрыт только на двоих.

– А мама сегодня не ужинает с нами? – Мой голос жалобно дрогнул.

Элис положила ложки и вилки на стол и принялась нарезать хлеб.

– Она собиралась, но позвонила и сказала, что задержится допоздна.

– Опять?

– Кто-то заболел, а у мамы скоро книжная ярмарка. Она завалена работой.

– Она всегда завалена работой, – мрачно сказал я и сел на свое место.

Я так ждал этого вечера! Последнее время мама приходила поздно. Она работала в отделе авторских прав в крупном издательстве, то есть продавала книги во множество разных стран. Мы не сидели за столом вместе уже больше недели. И больше недели у меня не получалось поговорить с ней даже утром перед школой, когда мы в спешке наглаживали форму и быстро глотали хлопья из миски. Папу мы тоже почти не видели. Он работал на нефтепромысле, на буровой, и иногда не приезжал домой месяцами. Весной Элис окончила школу и взяла на себя почти всю готовку и домашние заботы. Она была для меня не просто сестрой, она была мне как вторая мать.

– Это не навсегда, – сказала Элис. – Все устаканится после книжной ярмарки.

Она разложила плавающее в подливке тушеное мясо и клецки по тарелкам, и я принялся жадно уплетать, но сама Элис только рассеянно клевала. Когда мы сменили тему и заговорили о Призыве, я рассказал о Подобиях, которые видел по дороге домой. Элис отложила ложку и перестала есть совсем, только слушала. Мы вспомнили старика и его куклу-мальчика, глаза Элис затуманились, и я подумал, не напишет ли она историю о старике, мастерившем Подобие, чтобы побеседовать с самим собой в детстве. Придумывая своих персонажей, она часто брала за основу людей из реальной жизни, если что-то в них казалось ей интересным.

– Ты в этом году будешь делать куклу? – спросил я.

– Подобие? – Элис неопределенно покачала головой. – Мне нужно заняться другими делами.

Я почувствовал облегчение пополам с разочарованием. Облегчение, потому что, раз Элис не станет это делать, значит, и мне необязательно. И разочарование – потому что она всегда выбирала кого-то интересного, например своих любимых писателей или даже действующих лиц из их книг. Как-то ее учитель дал задание, посвященное этой традиции, и раскритиковал Элис перед всем классом за то, что она для своего Подобия выбрала книжного героя. Элис ответила: «Книжные герои для меня реальны».

Мне нравилось это в ней.

Позже мы ели рисовый пудинг перед камином. Около девяти Элис вышла во двор, чтобы принести еще угля, холодный воздух проник через заднюю дверь, и меня зазнобило, когда его ледяные пальцы дотянулись до моей шеи. Элис поворошила кочергой в камине, подбросила угля и устроилась в кресле.

Я отложил домашнее задание по математике и зевнул. Элис не так строго, как мама, следила, вовремя ли я иду спать, главным образом потому, что частенько не замечала, который уже час.

Я прилег на ковре рядом с Твич и наблюдал за сестрой. Она сидела, поджав ноги, на коленях – открытая тетрадь, в длинных тонких пальцах – любимая ручка. Ее рука застыла, Элис смотрела на огонь, хотя я догадывался, что на самом деле она его сейчас и не видит. Я

знал, что лучше не спрашивать, о чем она думает. Мою, обычно спокойную, сестру мало что могло вывести из себя, но, когда она витала в своих фантазиях, прерывать ее было нельзя. Фантазируя, она сочиняла истории и от любого вмешательства теряла нить мысли.

Судя по тому, как она покусывала верхнюю губу, с историей что-то не ладилось. Раз или два Элис принималась писать, но выдирала страницы и бросала их в огонь. Потом вдруг схватила ручку и начала стремительно, безостановочно строчить. Сделав паузу, снова стала напевать странную мелодию, ту самую, которую я слышал, когда она готовила ужин. Время от времени она что-то вычеркивала, но продолжала писать, пока не закончила страницу. Проглядела написанное с легкой улыбкой. Поэтому я удивился, когда она снова вырвала лист, смяла в комок и, как и раньше, кинула в огонь. Скомканная бумага стукнулась о заднюю стенку, пониже дымохода, отскочила и выпала перед камином. Элис наклонилась, чтобы поднять, но отвлеклась на звук: по телевизору начались девятичасовые новости.

Она захлопнула тетрадь.

– Я и не думала, что уже так поздно. Иди-ка прими ванну. Тебе пора в постель. – Элис поднялась, закрыла заслонку в камине и пошла на кухню ставить чайник. Ее настроение поменялось – она снова выглядела обеспокоенной.

Вместо того чтобы подняться наверх, я пошел за сестрой и остановился в дверях кухни. Плитка на полу холодила ноги даже через носки. Элис была босиком, но то ли не мерзла, то ли просто не замечала этого. В руке она держала пакетик с чаем, но даже не поднесла его к чашке, похоже, погрузившись в свои мысли.

– Все в порядке? – спросил я. – Ты почти не ела за ужином.

– Мне не очень хотелось. Когда сам готовишь, есть не так вкусно.

– А что ты писала? – Я переступал с ноги на ногу, чтобы пальцы не сводило судорогой.

– Просто историю, – тихо сказала Элис.

– Почитаешь мне?

Она покачала головой:

– Еще не готово. Никому, кроме меня, пока не понять, в чем там дело.

– А о чем она?

– Секрет. – Элис наконец опустила чайный пакетик в чашку. – Это вертелось у меня в голове месяцами. А теперь я... ну, застопорилась. Не могу придумать, как все будет разворачиваться дальше и чем закончится. – Она вздохнула и пробормотала: – Может, вообще никак...

– Тогда придется сочинить какой-нибудь несерьезный финал, как ты умеешь, – сказал я. – У каждой истории должен быть конец, правильно?

– Правильно. – Элис чуть заметно улыбнулась. – Но несерьезный не подойдет. Эта история другая...

Я посмотрел на тетрадь, торчащую из ее кармана.

– А что ты еще пишешь? Какие-нибудь детективные рассказы?

– Только эту историю, – ответила она. – Больше ничего.

– Ничего, даже совсем крошечного?

– Ничего, даже с бобовое зернышко.

– Бобовые зернышки нельзя недооценивать, ты же знаешь, – сказал я. – Взять хотя бы то, что случилось с Джеком и бобовым стеблем.

– Ты прав. Но у меня кончились бобы – и волшебные, и печеные, и вообще любые. – Элис потерла лоб. – Эта история... она отнимает у меня все. Все полностью.

В ее взгляде было что-то непривычное. Она и раньше сталкивалась с трудностями, когда писала, но нынешним вечером имела в виду другое. Только однажды я видел сестру такой.

Прошлым летом.

Никто, кроме нее, не знал, о чем была та история, и она поклялась, что никто никогда и не узнает. Она уничтожила все, не закончив. Но прежде сказала мне кое-что, и я очень испугался, потому что видел: сама Элис в ужасе.

Чайник забурлил. Она налила кипяток в чашку с пакетиком:

– Если бы историю было так же легко приготовить, как чай...

– У тебя все получится, – сказал я. – У тебя всегда получается.

– Не всегда.

Мы взглянули друг на друга и неловко замолчали. Я догадался, что она тоже думает о прошлом лете. О незаконченной истории... и о том, что мне рассказала.

Элис вернулась в гостиную. Я пошел следом, и мы бок о бок сели у камина, ничего не говоря. Она отхлебнула чай, поставила чашку на камин и уткнулась взглядом в огонь. Я понимал, что она обдумывает сюжетные линии, размышляет о персонажах. К чашке она больше не притронулась, и я не напоминал. Хотя с самого начала знал, что чай остынет, пока она о нем вспомнит.

А еще я знал, что эта история – о чем бы она ни была – не приведет ни к чему хорошему.

Сорочье гнездо

Среди ночи я проснулся, дрожа от холода. Одеяла съехали, и, когда я накрылся снова, комикс, который я читал перед сном, соскользнул с кровати и упал на ковер. Заметив под дверью спальни слабое пятно света, я повернулся. Лампа на лестнице была выключена, желтый свет просачивался с чердака, из комнаты Элис.

Я прислушался. Сначала не доносилось ни звука, потом я уловил тихий шелест бумаги. Элис все еще не спала.

Я вылез из кровати и незаметно вышел на лестничную площадку. Прямоугольный люк в потолке был открыт, с чердака спускалась складная лестница. Держась за перекладины, я стал взбираться по ней. Лестница чуть поскрипывала под моим весом.

Я просунул голову в комнату Элис. Сестра склонилась над столом, на котором лежали ее записи, на ней был пушистый халат, тапочки и синие перчатки без пальцев. Она опять напевала ту мелодию, снова и снова, прерываясь только на вдох. Я позвал ее, очень тихо, но она все равно подскочила.

– Мидж, – повернувшись, она потерла глаза, – почему ты не спишь?

– Я спал. Что-то меня разбудило. – Выбравшись из люка, я все еще стоял на коленках на толстом ковре. – А что за мелодию ты все время напеваешь? Ты сама ее придумала?

– Не совсем... Ну, вроде того.

– Вроде того?

– Ее сочинил один из моих персонажей. Это его мелодия, не моя.

Я ничего не сказал. Я привык к таким ответам. Чаще всего они мне очень даже нравились, но иногда, как сегодня, тревожили.

– Который час? – спросила она.

Я пожал плечами:

– Почему ты до сих пор не спишь?

– Не могу уснуть.

– Ты выглядишь так, будто тебе давно пора.

– Здесь, наверху, холодновато. – Элис подула на руки, встала и подошла к кровати, стиснув в руке тетрадь. – Давай укладываться.

Мы забрались в кровать, ее подушка у изголовья, а моя в ногах, как обычно.

– Ты забыла, – сказал я.

– Забыла что?

– Загадать загадку.

У нас с Элис была игра. Каждый раз, чтобы зайти друг к другу в комнату, требовалось разгадать загадку. Мы придумывали их и отгадывали часами, и я неплохо наловчился.

– Ну, ты ведь уже здесь, теперь вроде и незачем.

– Все равно загадай.

Элис вздохнула.

– Хорошо, вот: в моем запасе не кончаются слова, моя острота известна всем, как и то, что я не люблю быть тупым. И все же я никогда не скажу ни слова. Кто я?

– Ух. Это очень заковыристо. Словарь? Нет, не может быть. Хм... Дай подумать. – Я свернулся калачиком под одеялом, даже нос засунул под него.

Кончики ушей все равно зябли. На чердаке всегда стоял холод. Здесь не было отопления, как в остальном доме, только пара масляных обогревателей, которые не давали совсем замерзнуть. Но Элис никогда не жаловалась; она любила свою чердачную каморку. А я, наверное, еще больше.

О человеке многое можно рассказать по его комнате.

Элис всегда говорила, что писатели – как сороки блестящее – тащат к себе все приглянувшиеся им идеи. Вот и у Элис комната была гнездом. Битком набитая всякой всячиной, которая обычному человеку показалась бы совершенно бесполезной, как простая деревянная бусина. Но Элис умела нанизывать деревянные бусины на одну нить, превращая их в драгоценное ожерелье.

Над ее столом была, как она ее называла, «стена вдохновения». Сюда она прикрепляла самое разное: газетные статьи, открытки, фотографии. Все, что когда-нибудь может натолкнуть на идею сюжета. Тетради складывались аккуратными стопками или валялись по всему столу. Это зависело от того, как шла работа: чем больше беспорядка, тем лучше. Элис сначала писала от руки, а потом уже переносила написанное в ноутбук, занимавший на столе почетное место. Рядом с ним стояла старая пишущая машинка «Вудсток», которую папа нашел на барахолке всего за несколько фунтов. Весила она, наверное, больше, чем стол, и клавиши с буквой «А» не хватало, но Элис считала, что это лучший подарок на свете.

В углу стоял столик поменьше, с чайником, чашками и открытой упаковкой долго хранящегося молока. Использованные чайные пакетики громоздились в лужице на блюде, впрочем, это смотрелось вполне уютно, ничего неряшливого. Крана здесь не было, но Элис не спускалась в кухню, а наливала чайник в ванной на моем этаже.

Вдоль стен выстроились книги, между ними, где хватало места, – всякие затейливые штучки: старый ключ, вставленная в рамку открытка с оленем, украшенная разноцветными стеклышками лягушка с секретным механизмом – нажмешь, и у нее открывается рот, а там тайничок, где можно спрятать что-нибудь ценное или важное. Элис всегда любила разные безделушки, они будили воображение и вдохновляли ее. Даже лоскутное одеяло казалось волшебным. Так и в сказках – чего только не было: хрустальная туфелька, прялка, часы, бьющие полночь. В сказках, которые Элис рассказывала мне, когда я был маленьким, в сказках, на которых выросли почти все.

Пусто в комнате было только на полу. Мама строго-настрого велела Элис не оставлять на полу ничего. Вообще ничего. Ни книг, ни крошек от печенья.

Правило было введено через несколько недель после того, как Элис перебралась в чердачную комнату. Она споткнулась о чашку с остывшим чаем, оставленную у кровати. Чашка полетела в люк, и Элис чуть не рухнула туда же. Мама пригрозила запереть чердак и снова водворить ее в одну комнату со мной, если правило хоть раз будет нарушено.

Я услышал, как Элис что-то написала в тетради, вздохнула и снова перечеркнула написанное.

– Тебе бы поспать, – мой голос из-под одеяла звучал приглушенно. Я согрелся, глаза уже закрывались.

– Тебе бы последовать собственному совету, – мрачно ответила сестра. – В твоей собственной постели.

– Там, внизу, холодно.

– Здесь, наверху, холоднее.

– Мне сейчас уютно, – пробормотал я. Я знал, что она не заставит меня уйти в мою комнату. Я часто пробирался сюда, когда не мог заснуть или просыпался после плохого сна.

Я выглянул из-под одеяла. Элис откинулась на подушку, прикрыв лицо рукой так, что виден был только рот. В другой руке она все еще сжимала тетрадь.

– Тебе пора спать, – повторил я.

– Нет, пока я не придумаю, как быть с этим.

– Может, придумаешь утром.

– Я так себе говорю уже неделю.

У меня в животе что-то сжалось, и я прошептал:

– Не надо.

– Не надо что?

– Ты знаешь что. Не надо как тогда... когда ты тоже так... когда ты в прошлый раз была такой и все случилось...

– Ничего не случилось.

– Не ври.

– Все писатели врут, – пропела она. – Этим мы и занимаемся.

– Я не о том говорил, ты знаешь.

Элис засмеялась, хотя ничего смешного тут не было.

– Ты заболела тогда! – разозлился я. Сон теперь ушел совсем. – И тебе снова будет плохо, если будешь так продолжать.

– Не буду. И вообще, это был обычный грипп.

– Неправда. Ты просто сказала так маме и папе, – возразил я. Элис все еще прикрывала лицо рукой, но ее губы упрямо сжались. – Но я ведь знаю, что это неправда. Если ты опять заболеешь, я не стану тебя больше прикрывать. Я скажу им правду, и мама отправит тебя назад, в мою комнату. Здесь ты сидишь и пишешь день и ночь, так нельзя.

Элис отвела руку и сердито глянула на меня:

– Ты так не сделаешь.

– Сделаю.

Она еще сильнее сжала губы и снова закрыла лицо рукой, но я успел увидеть, как блеснули ее глаза.

– Почему ты пишешь? – спросил я уже мягче. – Почему продолжаешь писать? По-моему, у тебя потрясающе получается. Лучше твоих историй нет. – И нерешительно добавил: – Но в такие моменты, как сейчас, ты вообще забываешь, что значит радоваться.

Она громко сглотнула:

– Зато, когда все идет хорошо, я на седьмом небе.

Крыть было нечем, я знал: это правда. Тогда я попробовал отвлечь ее – первым, что пришло в голову:

– Расскажи о своем отце.

Она фыркнула:

– Ты слышал уже сто раз.

– Расскажи еще.

Элис помедлила и глубоко вдохнула. А потом заговорила, ровным и чистым голосом. И, как всегда, меня охватило волнение, когда она произнесла первые, знакомые мне наизусть слова.

– Он был странником, речным цыганом. Цыгане остановились на канале в день летнего праздника, причалив свои узкие лодки у моста. На праздник пришла и мама с подругами. Там было столько всего интересного. С лотков продавали пирожные и цветочную рассаду, путешественники тоже торговали всякой всячиной. Вещицами, вырезанными из дерева, рисунками, сидящими в клетках птицами с диковинно окрашенными перьями.

Не то чтобы она его заметила; скорее, увидела, что *он* заметил ее. Красавцем его было не назвать, но его лицо притягивало взгляд. Она поняла, что чем дольше смотрит на него, тем больше он ей нравится. Нос немного длинноват, а губы слишком тонкие, но глаза зачаровывали. Бледно-серые, почти серебряные, как две луны, над которыми распростерлись черные тучи – его брови.

Он не сразу заговорил. Просто поманил ее пальцем.

«У меня есть кое-что для тебя», – сказал он и открыл деревянную шкатулку, где лежали свитки, каждый перевязан лентой.

«Что это такое?» – спросила она.

«Истории, – он вытащил один из свитков. – А эту я написал для тебя».

Она почувствовала, как краснеют щеки, и услышала за спиной шепот и хихиканье подружек.

«Полагаю, вы хотите получить плату за это?» – она подумала, не положить ли свиток назад в шкатулку, но любопытство взяло верх.

Он пожал плечами:

«Мне ведь нужно есть, верно?»

«Сколько?»

«Знаешь, скажу тебе так», – он сорвал травинку и пожевал ее белыми, почти идеальными зубами. Почти идеальными – только четыре передних зуба внизу стояли под углом, как будто буква «У» встретила со своим зеркальным отражением.

«У – ум, – промелькнуло у нее в голове. – Удивительный. Улыбка. Узнавание».

«Прочти, – продолжил он, – а потом заплатишь, когда поймешь, чего это стоит».

И вот она взяла свиток и отошла в сторону, чтобы подружки не помешали читать. Еще не дочитав до конца, замороженная историей, она уже влюбилась в него.

У – упоение. Уязвимость.

Так любовь стала ценой, которую она заплатила. Дорогой ценой, потому что он любил свои истории больше, чем ее. Четыре года спустя он ушел. И она обнаружила, что *У* – это еще и *удар, утрата. Урок*. Но, хоть он и бросил ее, она осталась не одна. Их дочь звали Элис. Имя выбрали легко – такое носила девушка из сочиненной им истории.

Элис остановилась, как часто делала, дойдя до этого места. Порой чувствовалось, что ей не хочется говорить дальше, но она всегда продолжала:

– Элис подрастала. Отца она почти не помнила и не знала, но его любовь к историям и дар их рассказывать передались ей. Она росла, росло и ее любопытство. Однажды она решила порыться в вещах своей матери и нашла кое-что, что могло привести к отцу. И она отправилась к нему.

Казалось, он был рад ее видеть. Они провели вместе день, разговаривали и, в общем-то, заново познакомились. Ловили рыбу в реке, ели ее на ужин и рассказывали друг другу истории. День закончился, Элис пора было уходить. Перед прощанием отец и дочь строили планы и давали друг другу обещания. Но это тоже было сочинительством, потому что в следующий раз, когда она вернулась, его уже не было.

Элис замолчала. История закончилась, но каждый раз, услышав ее, я гадал, что же осталось недосказанным, что она сохранила в тайне.

Я помнил день, когда Элис готовилась отправиться на поиски отца. Поначалу это казалось приключением, как в одной из ее историй. Мы перешептывались, пока я стоял в дозоре на лестничной площадке, а Элис собирала маленький чемоданчик: одежда, коробочка с ланчем, книга, блокнот с карандашом и свой лучший рассказ – перевязанный серебряной ленточкой – для него.

Я был еще мал, но сумел распознать тревогу в мамином голосе и понять, что дела плохи, когда она обнаружила, что Элис не появлялась в школе. И когда мама заплакала, я раско-

лолся. Как только я выдал секрет Элис, мама кинулась за ней, оставив меня с соседкой. Вернулась она очень поздно, вместе со смущенной Элис. У обеих на щеках отчетливо проступали дорожки высохших слез.

В тот вечер нас отправили спать сразу после ужина. Было еще рано, и я был слишком взбудоражен, чтобы спать, но мама не разрешила нам разговаривать. Элис сидела за столом, уставившись в потрепанную книгу сказок, открытую на «Спящей красавице». Ее палец касался веретена на картинке.

Дверь отворилась, и мама заглянула в комнату. Мы не слышали, как она поднималась по лестнице, и подскочили от неожиданности.

– Не считаете, что с вас обоих на сегодня достаточно неприятностей? – рассерженно произнесла она. – Свет выключить, книги убрать и никакой болтовни.

– Мама, – тихо позвала Элис.

– Что еще случилось? – мамин голос звучал прохладно. Она уже успокоилась, но испытывать ее терпение было страшиновато.

– Ты веришь в проклятия? – спросила Элис.

Повисшую в комнате тишину нарушил мамин голос:

– Нет, – она подошла к Элис, взяла книгу у нее из рук и закрыла. – И тебе тоже не стоит, если у тебя есть хоть капля здравого смысла. – Отложив книгу, она погладила Элис по щеке. – Я догадываюсь, о чем говорил тебе отец. Забивал твою голову вздорными выдумками.

– Но что, если... – начала Элис.

– Это ерунда, – перебила мама. – Я точно знаю, потому что и мне он когда-то говорил такую же ерунду.

Элис ничего не ответила, но отвернулась от маминой руки.

– Я понимаю, что он твой отец, Элис, – вздохнула мама. – И понимаю твоё желание узнать его поближе. Я не буду стоять у тебя на пути, но скажу то, что думаю, даже если ты не хочешь этого слышать. Надо быть осторожнее с теми, кому веришь, и с тем, во что веришь. Иногда верить очень хорошо, но иногда – опасно. Если кто-то верит, что он проклят, значит, так и есть.

Когда мама спустилась вниз, я не мог сдержать любопытства и громким шепотом стал расспрашивать Элис о таинственном проклятии. Но сестра отказалась говорить и впрямь, рассказывая историю об отце, никогда не упоминала об этом.

– Элис? – окликнул я, пальцами ноги подтолкнув ее локоть. – Ты веришь в проклятия?

– Если кто-то верит, что он проклят, значит, так и есть. – Она повторила мамины слова.

– Ты думаешь, что ты проклята? – спросил я.

– Давай спать, Мидж. Сейчас слишком поздно для таких разговоров, а то кошмары будут сниться.

– Элис?

– М-м-м?

– Ответ на твою загадку... Карандаш?

– Да, молодец. А теперь спи.

Я закрыл глаза, довольный, что одержал хотя бы одну победу. Что до проклятия, то я решил утром снова спросить сестру.

Но я не смог это сделать, потому что, когда наступило утро, Элис исчезла.

Черная кошка

На следующее утро я спустился на кухню и обнаружил, что дом пуст. Ни Элис, ни мамы. Хотя кто-то вытащил из кладовки под лестницей коробки для непогоды и оставил их на кухонном столе. Элис любила их – в них хранились всевозможные материалы для рукоделия, и нам было чем заняться в дождь и слякоть, когда на улицу не хотелось.

На холодильнике висела записка, прикрепленная магнитом. Я снял ее и прочитал.

«Элис и Мидж, – говорилось в ней, – я ушла ненадолго. Не ешьте – когда вернусь, на завтрак будут блинчики! С любовью, мама.»

Р. С. Достала коробки для непогоды, чтобы делать Подобия к Призыву».

Блинчики! Теперь, при свете дня и с блинчиками, замаячившими на горизонте, ночной разговор с Элис о проклятиях казался просто дурным сном. Я окликнул сестру, думая, не принимает ли она душ наверху, но она не ответила, да и трубы не булькали, как обычно, если кто-то мылся в ванной.

Я проснулся один в кровати Элис, что случалось нередко, когда я спал там, на чердаке, – она вставала, не разбудив меня, и передвигалась тихо, как мышка. Странно было другое: в комнате стоял зверский холод. Обогреватели не работали, хотя Элис первым делом всегда включала их.

Я налил в стакан апельсинового сока и сел. Что-то теплое и пушистое проскользнуло под столом у моих ног, а затем темная тень просочилась через кухонную дверь.

– Доброе утро, Твич! – крикнул я вслед, залпом заглотив апельсиновый сок, и приоткрыл ближайшую коробку. Из вороха шерстяных ниток и лоскутов ткани высунулась черная лапа и проказливо шлепнула меня по руке.

– Ой! – я отдернул руку. На большом пальце проступила капелька крови. Коробка на столе зашуршала, и из нее выглянула озорная черная мордочка с ленточкой на ухе.

– О нет, – пробормотал я. Это была Твич.

Я быстро вошел в гостиную и огляделся. У нас и раньше случались проблемы с чужими кошками, проникавшими в дом через кошачью дверь и воровавшими еду у Твич, но сейчас никаких следов вторжения не было заметно. Наверное, непрошенный гость уже улизнул. Только я вернулся на кухню и собрался снова сесть, как услышал характерный сигнал, и что-то зажужжало рядом с тостером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.